

БРАТЯ

КАФРИ

никита разумов

16+

СЕРДЦЕ УНИКУМА

Никита Разумов

Братья Каори

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48407575

SelfPub; 2019

Аннотация

Тефтон и Леви всегда интересовались охотничьим ремеслом. Конечно, ведь их учитель – один из лучших стрелков на Острове. Ребята мечтают вступить в Гильдию охотников – организацию, которая борется с самым злейшим врагом человечества. Уникумы – существа, обладающие ужасающей силой, им нет места среди людей. Не истребить их – они истребят нас. Эту простую истину знает каждый с малых лет. Вся надежда только на охотников. Ребята выжили в страшном пожаре, уничтожившем их родной город. С тех пор они поклялись, что непременно найдут виновного. На своем пути им предстоит раскрыть все тайны Острова.

Содержание

Глава 1 Пепел и кровь	4
Глава 2 Предназначение охотника	36
Глава 3 Сила и слабость	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1 Пепел и кровь

Безмятежная золотая степь погружалась во мрак. Черные словно сажа тучи шли на нее с горизонта невероятно быстро, и было в них что-то зловещее, грозное. Граница света и тени мчалась к западу.

Глухую тишину нарушал стук колес поезда. Он словно стрела пересекал степь, оставляя за собой полосу дыма. Машинисты не жалели угля, разогнав состав до предельной скорости. Нужно было спешить. Поезд стремился напрямиком в черную пучину. Стемнело окончательно, громадный прожектор на локомотиве выстрелил светом далеко вперед. Слабоватый запах гари чувствовался повсюду, и вдалеке начали виднеться очертания города. Как раз туда и вела железная дорога. Маленькие черные силуэты домов, над ними громадные языки пламени и так на всем горизонте. Густой дым огня уходил в черноту туч, дополняя ее, а тучи отражали в себе оранжевый цвет пламени, и, казалось, будто бы сами горели.

Локомотив тянул несколько закрытых грузовых вагонов с дверьми на задвижных створках по центру. Обычно в таких вагонах возили скот, но в этот день в них сидели люди. Сидели где попало, кто на балках и ящиках, кто на сене. Все они молчали, на разум давил тяжелый стук колес, гул снаружи, неминуемо ведущий на смерть. Каждый держал в руках оружие и использовал оставшееся время, чтобы подготовить

его.

Запах гари все сильнее, он заставлял горло сворачиваться горьким комом и харкать на пол. Но этим людям было не привыкать, хоть некоторые уже и натянули маски.

Мужчина с резким острым лицом, покрытым щетиной, закончил свое дело и вставил блестящий затвор в винтовку. Он первый нарушил рабочую тишину.

– Чертовы уникамы, чтоб их... сколько вас еще отстреливать. День за днем по всему острову. Эй, Грог, – он обернулся, чтобы обратиться к человеку, сидевшему позади него и точившему обоюдоострый нож – Грог, скольких ты прикончил за прошлый сезон?

Грог отложил точильный камень в сторону и стих, немного опустив голову.

– Четверых, – сказал он, и его лицо тут же помрачнело, словно он вспомнил то, что не хотел вспоминать больше никогда в жизни.

– О-о! Ну и кого же?

– Отвяжись, Оби, итак тошно...

– Да ладно тебе, давай рассказывай. Какой охотник не хватается своей добычей.

Другие люди наострили уши, подняв взгляд на Грога.

– Лев на юге, возле Салстерна, – начал перечислять он, загибая грубые пальцы, – две гиены, неподалеку отсюда, и... – он замялся, сплюнув горечь от гари, – и одна тварь, похожая на паука, только из брюха у нее торчали отростки-щу-

пальца... клыки острее бритвы. Ее я встретил, когда вернулся в Тибр, она успела прикончить десятерых местных. Видел бы ты это, – он тоже обернулся, посмотрев на Оби красными глазами – разбросанные куски мяса, дорога вся в крови. Он брал людей и расчленял их, лакомился по частям. А на десерт...

– Опустить подробности, – посмеялся Оби и Грог вновь взялся за точильный камень – а люди? Люди-уникумы тебе не попадались?

– Упаси господь, Оби! Если бы попались, я бы сейчас с тобой не говорил.

– Да ладно, – в разговор вступил еще один мужчина, сидевший в другом конце вагона, все посмотрели на него, и он улыбнулся. Вместо нормальных зубов у него были золотые, эта улыбка нагоняла страх на некоторых тех, кто был здесь с оружием в первый раз. Его так и прозвали Золотая пасть – мочить людей куда проще. Они, бывает, даже не догадываются, что на самом деле уникамы. Не знают своей силы. Слушайте историю, мужики. Я как-то раз занимался свободной охотой на восточном побережье. Ну и забрел в Тикок. Был там один паренек, чай, говорит, у него лучший на острове. Ну я и решил поглядеть. А потом смотрю, он когда кустов этих касается, так они прямо на глазах растут. Земля, говорит, волшебная. Ну я и смекнул что да как. Решил рискнуть и ради забавы завел беседу. Славный парень был, идиот, правда, но славный, чес слово. Даже жаль было украшать

его мозгами стену.

– Заткнись, Пасть, – сказал кто-то из толпы, – тебе только с детьми и драться. На взрослого уникама у тебя кишка тонка.

Золотая пасть всколыхнулся, чуть ли не вскочив с места.

– Да неужели? Может пари?

– Давай пари...

И тут же весь вагон заревел, речь стала перебивать стук колес.

– Я поставлю на Пасть десять тысяч! – начали подхватывать другие.

Слово за слово и вскоре галдел весь вагон. В словах была большая необходимость для этих людей, для их работы. И даже простая ставка, сможет ли человек отнять жизнь другого человека, будоражила разум, доставляя наслаждение. Люди готовы были платить за это, чтобы существовать одним мигом между жизнью и смертью. В мире, где каждый день мог стать последним, это был простой способ снять напряжение. И все знали, что привыкнуть к этому было невозможно, ведь к страху не привыкают. Но кто-то уже видел слишком много, кто-то больше не хотел вступать в игру, он насмотрелся на кровь, он лишился чего-то. Лишился самого себя. Такие люди молчали, точа и чистя свое оружие. Просто чтобы не умереть.

Вдалеке от остальных, в углу вагона, где было темно, на мешках с соломой сидела молодая девушка. Она словно спе-

циально забились во мрак, чтобы люди забыли о ее существовании. Хрупкая, нежная внешность так сильно выделялась на фоне грязных мужчин с оружием в руках, что могло бы показаться, что она забрела в этот вагон для скота чисто случайно. Белоснежный плащ, бледная кожа и черные длинные волосы, убранные в хвост. На правой стороне шеи располагалась черная татуировка – силуэт пикирующего сокола. Когда речь зашла об уникамах, у нее появилось сильное желание закрыть прямо сейчас уши и больше никогда не слышать и не видеть охотников. Но винтовка, что была в ее руках, спускала на землю. Она тоже охотник.

Глаза переполнены отвращением.

Она старалась сидеть тихо, без лишних звуков, чтобы не привлечь внимание. Но, к ее сожалению, этого не удалось избежать. Охотники начали мериться своими результатами, рассказывая, кого и где они встретили, и насколько опасна была тварь. Оби, тот, кто завел этот разговор, добрался и до нее.

– А ты, Каори, – стоило ему произнести имя, как остальные тут же затихли. Оби смотрел прямо на нее, и на его устах прорезалась маленькая ехидная улыбочка – какой у тебя счет?

Стук колес вновь заполнил тишину. Каори молчала, как будто пропустив его слова мимо ушей, она продолжала заниматься своей винтовкой. Оби приподнял брови, удивленный отсутствием ответа, встал с места и медленно направился в

ее сторону.

– Я что-то не расслышал. Скажи мне, какой у тебя счет. Скольких уникамов ты прикончила?

– Оби, да что ты привязался... – послышалось откуда-то сзади.

Мужчина повернулся и рявкнул.

– Заткнись, Грог, я не с тобой разговариваю! – он снова повернул свой острый взгляд на девушку, та не обращала внимания – ну так?

– Ни одного – ответила она.

Каждый отчетливо слышал ее ответ, многих передернуло.

– Хм... – промычал Оби с презрением – ни одного значит?.. «Любитель уникамов», ты и в самом деле оправдываешь свое прозвище. А я думал, что это за идиотские байки про тебя ходят.

Некоторые начали глотать смех.

– Да мне плевать, – сказала Каори – ни одного человека, ни одного зверя за последнее время я не убила и не сдала армии – она, наконец, посмотрела на него – катись к черту и не мешай мне работать.

Оби ухмыльнулся. Теперь в вагоне никто не сдерживал смехок. Охотник подошел совсем близко к девушке и выхватил винтовку из ее рук.

– Работать говоришь? Ты посмотри на эту винтовку – он приподнял ее чуть выше, чтобы свет от нескольких ламп попал на приклад из темного дерева и все заметили красоту

оружия. Каори сжала кулаки, исподлобья смотря на Оби бездонно черными глазами – Геверстон тысяча восемьсот пятьдесят шестой, калибр семь и шесть. Настоящее произведение мать его искусства. Да оно всем своим видом говорит, как истосковалось по пороху, – его пронзительный взгляд медленно опустился на девушку – зачем оно тебе, сволочь ты дрянная, если ты не пользуешься им?! – Он говорил так резко, что многие охотники вновь стихли, боясь как бы не навлечь на себя беду – Нет, ты объясни, какого черта один из лучших гильдийных стрелков имеет результат ноль. Ноль!

Оби показал пальцами цифру. Каори спокойнохватила свою винтовку обратно и села на место.

– Я не убиваю уникамов без надобности.

Такой ответ раскалил охотника докрасна. Он тут же поднял на нее руку, но мысль об ударе мигом отступила – Оби прекрасно знал, кто перед ним сидит и прекрасно помнил, кто находится рядом с Каори. Именно этот человек и нарушил молчание.

– Остынь, Оби. Иди и готовься к выходу. Грохм близко.

Оби повернул голову влево. Из темноты на него смотрел человеческий силуэт, голубые глаза словно светились в темноте. Недобрый взгляд все говорил сам. Остальные охотники мигом отвернулись, вернувшись к своим делам. Оби опустил руку и в последний раз раздраженно посмотрел свысока на Каори. Та тоже все еще смотрела исподлобья. Мужчина выругался и пошел на свое место, громко талдыча на весь ва-

гон, что попадись ему хоть один уникам, он вывернет все его потроха наизнанку. Неважно кто, человек или нет, неважно ребенок или взрослый, неважно какой пол. Эти твари не должны ходить по земле.

– Ненавижу! Презираю! Они у меня все к стенке встанут! Все!

– Сволочь... – тихо сказала девушка и забыла про него, севши обратно в темноту своего угла.

Мужская речь вновь занялась охотничьими историями, и про Каори больше никто не думал.

Человек, что одернул Оби, поднялся на ноги и подошел к девушке, присев рядом на сено.

– Спасибо, Искандер, – Каори посмотрела на него, поблагодарив и грустно улыбнувшись – вечно ты отпугиваешь от меня назойливых мух.

Искандер ничего не ответил, тихо посмеявшись. Он был с ног до головы в черном, от высоких сапог до длинного кейпа, на котором сбоку красовался рисунок алой розы. Вытянутое лицо с прямым высоким носом и широкие глаза. Реденькая щетина на подбородке. Он снял свою плетеную соломенную шляпу, и она осталась висеть на веревочке на шее.

– Не слушай их. Я давно заметил, что работа охотника делает людей монстрами, подобным Оби и остальным. Они словно звери. И это неизбежно, почти всегда. Не звереют лишь те, кому есть о ком заботиться, есть что терять. Но...

– Но таких почти не осталось, – договорила за него Каори,

усмехнувшись и отложив винтовку в сторону – я слышала, ты обзавелся новым учеником.

Глаза Искандера блеснули. Он тяжело выдохнул и достал из внутреннего кармана из-под кейпа маленькую черно-белую фотокарточку. Каори посмотрела на нее. На фотокарточке была изображена девочка, лет пяти от роду. Она сидела в кресле с розой в руках и накрытая пледом. Маленькие глаза-бусинки со страхом смотрят в объектив.

– Это Лена. Недавно изъял малышку из семьи – Искандер улыбнулся – слышала бы ты ее вопли. Но для нее так даже лучше. Ее отец пропал во время Великой Северной войны, и теперь она постоянно спрашивает меня начать его поиски. Даже охотником ради этого решила стать... с ума сойти, пять лет, а уже такая решимость! Но пока что она все время плачет, мой предыдущий ученик рыдал по семье лет до семи, царствие ему небесное.

– Прости, я не хотела напоминать... мне... мне правда жаль, что он погиб такой смертью. Всего лишь ребенок.

Искандер посмотрел на взрослых мужчин охотников, которые весело болтали между собой о смерти.

– Кто знает, он ведь мог превратиться в них, – его голос помрачнел – он всегда говорил, что пасть от руки уникама большая честь для охотника. Кажется, я так ничему и не научил этого идиота. Что ж, надеюсь, Лена вырастет другой.

– В семье ван Розенвельдов никогда не было идиотов, Искандер.

Он ничего не ответил на это, лишь нацепил черную ткань на лицо. Каори сделала то же самое. Дышать становилось все трудней. В вагоне начал тускнеть свет, огонь был совсем рядом – шум пожара приближался. Страх окутал все вокруг, заставив человеческую речь потихоньку смолкать. Сердца охотников забились чаще, близится их конец. Большинство мертво уставились друг на друга, не произнося ни слова, и от этих лиц становилось тошно.

Искандер продолжил.

– Ну а ты? Тебе уже восемнадцать. В пору и самой учеником обзавестись.

Каори закатила глаза.

– Господи, и ты туда же! Что Марк, что Акина, теперь еще тебя не хватало. Я уже сказала, нет... рано мне еще. Да и вряд ли я вынесу изымать кого-то. Лучше всегда буду одной, мне безразличны привилегии магистров.

Искандер обхватил ее своей огромной рукой за плечи и прижал к себе, посмеявшись.

– Все так говорят. На всем Острове не найдется человека, кто не боялся бы брать ученика.

– Кто сказал, что я боюсь.

Каори неуверенно положила свою голову на его грудь. Страх стал отступать, и боль на сердце, изливающая тоску, ненадолго притупилась. Ничего ты не знаешь, Искандер... но как хорошо, что ты сейчас здесь.

– Чему я смогу обучить? – тихо проговорила она, гло-

тая горький ком, по щеке вниз устремилась слеза, оставляя влажный след – только лишь смерти.

В этот момент общее онемение нарушилось. Золотая пасть вскочил на ноги и, откашливаясь, начал подходить к дверям вагона.

– Не, мужики, все, я все... больше не могу, нечем дышать.

Он открыл двери. В вагон тут же ударил мощный поток воздуха, заставив людей отшатнуться. Гари не стало меньше, совсем даже наоборот. Но теперь для охотников это была куда менее значительная забота. Люди увидели место, куда они попали. Один за другим они начали вставать на ноги и подходить к открытому проему. Поезд все еще мчался с бешеной скоростью. Охотники не верили своим глазам, хватаясь ошеломленно за лбы и за свое оружие.

– Не может быть... так это правда – проговорился Золотая пасть.

– Весь Грохм горит!

Поезд давно въехал в черту города, вернее в то, что от него осталось. Маленькие деревянные домики уже догорали, на некоторых обвалилась крыша. Они беспорядочно мелькали перед глазами охотников. И этих факелов было огромное поле, уходящее вдаль. Горело все – заборы, бревенчатые тротуары, сараи и часовни.

– Тут же жили сотни тысяч людей... проклятье! Значит, спустя десять лет еще один город сожрал огонь.

– Кто! Кто мог это сделать! – Оби ударил кулаком по стен-

ке вагона, с ненавистью смотря на горящие дома – кто кроме уникамов способен на такое!

Он залился ругательствами в огненный воздух, чуть ли не вылетая из вагона, несколько охотников позади даже удержали его за темно-зеленый камуфляж.

– Дайте мне мою винтовку! Где моя винтовка! – продолжал кричать он.

Остальные вагоны давно уже были открыты и люди в них так же не могли оторвать глаз от этого ада. Все искали глазами хотя бы одну живую душу среди пламени. Но никого не было. Город словно опустел.

Один из охотников, что был старой закалки, крепкий с небольшой седой бородой, все лицо в явственных морщинах, начал заряжать свою винтовку патронами. Один за другим они погружались в магазин. Он делал это быстро, машинально, и так же не отрывал взгляда от оранжевого зарева. Ему не нужно было выходить ближе к открытым дверям, чтобы понять, что случилось. Где-то вдалеке он заметил стайку огненных гиен, с виду похожих на мелькающие пучки огоньков, бегущих за вожаком, самым ярким. Их было около десятка, не больше.

– Гиены! Я так и думал – воскликнул Оби – этим уникамам без разницы что жечь, дрянные твари! Весь город!

Старый охотник, вставив последний патрон, усадил Оби обратно на место. Тот аж дернулся, увидев на своем плече руку мастера.

– Нет, малыш, это не гиены. Они не станут нападать на целый город. Тем более на такой, как Грохм.

Искандер и Каори тоже подошли к открытым дверям, чтобы посмотреть на огненную пучину. Глаза сильно резало от дыма, всех кругом выворачивало от жжения в груди. Старый охотник продолжил, хоть его и тяжело было услышать сквозь шум.

– Это не гиены, нет. Это не в их природе. Да и если подумать, то ни одному уникаму такое не под силу. Целый город. Кто в одиночку может сжечь целый город?

Каори тихо спросила у Искандера.

– Это вообще возможно?

Мужчина лишь пожал плечами.

– Не знаю. Но старик дело говорит. Нет таких уникамов, что смогли бы это повернуть. Даже скопом...

Оби решился спросить у старого охотника.

– Тогда кто же это сделал?

Старый охотник сложил ладони в один кулак и опер на них голову, задумавшись. Все уже смотрели не на пожар, а на него.

– Я догадываюсь, кто. Города у нас сгорают не впервой. Так чтобы за одну ночь и никого, ничего не стало. Каждые десять лет это происходит... как бы мы не молились, не пытались отворотить неминуемое, что-то забирает их. Десять лет назад, в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом, сгорел Гуин, до него в пятьдесят восьмом Молотоглав и так далее... Ко-

гда горел Гуин, я был там, меня тоже послали как охотника спасти людей. И там было то же самое, когда мы прибыли, от города осталось одно пепелище, и ни одной живой души. Бедный Гуин сгорел за одну ночь, а все его жители куда-то пропали. Даже тела никто не нашел. Поговаривали, что, мол, жители сами подожгли свои дома и ушли, но я в это не верю. Это звучит слишком глупо, да и покажите мне того дурака, кто на такое клюнет. Это бред, а не догадка. Но я скажу вам, во что я верю, – он пробежался глазами по каждому охотнику, что стоял рядом – я верю в то, что город сожгли стражи.

– Кто? – возмущенно протянул Оби.

Поезд тем временем начал сбавлять ход. Резкие толчки тормозов замедляли его, заставляя людей схватиться за что-нибудь и крепче вжаться в свое оружие, колеса снаружи зашвистели. Искандер и Каори тоже посмотрели на старого охотника.

– Стражи, – повторил он – или даже один страж. Их силы хватит на подобное.

Некоторые охотники заулыбались, кто-то махнул рукой и снова уставился на пожар.

– Стражи?! – чуть не взорвался Оби – да я скорее поверю в те нелепые слухи, что люди сами подожгли свой город, чем в детскую страшилку. Ты что, дедуган, из ума выжил совсем? Зря теряем время, ясно же, что гиены сожгли. Замочим их и дело с концом.

Эти слова заставили старика покоробиться. Но он был до-

статочно умен, чтобы не спорить с толпой, а остаться при своем мнении.

Поезд остановился. Перед людьми открылась пропасть, поглощающая все другие эмоции и оставляя только страх. Нужно сделать всего-то шаг, но многие так и дергались у открытых вагонов. На землю вниз стали падать глухими ударами дощатые трапы, а затем по ним застучали сапоги. Все охотники мигом побежали вперед, надышавшись напоследок. Они двигались линиями, разделившись на несколько групп, каждая по десять человек. Линии двигались как гусеницы, терялись в улочках города, разбегаясь на большую площадь города, и состав вскоре опустел. Если бы не огонь, то крошечная тьма поглотила бы людей, но было светло как днем.

Каори посмотрела наверх. В черных тучах с легким бронзовым оттенком переливалось пламя. Дышать было тяжело даже через маску, но останавливаться нельзя. Тот, кто устроил все это, может быть еще здесь. И кто знает, поможет ли вообще оружие против него. Охотники старались отгонять такие мысли, они вообще старались не думать, но бежать за ведущим охотником в десятке. Выжить, выжить любой ценой! – вот что было в их головах. Каори бежала следом за Искандером, Оби и еще парой охотников. Она постоянно смотрела по сторонам. Видимо они забежали на какую-то главную улицу, здесь не было деревянных домов, а лишь высокие каменные поместья или многоэтажки. Стены их почернели

от огня, некоторые обвалились, черный дым валил вверх, значит было еще чему гореть. Оконные проемы смотрели на охотников своей чернотой на голых стенах, они выглядели словно пустые ямы могил. Огня здесь уже не было видно, он слышался где-то вдали, сквозь топот сапог по каменной брусчатке.

– Начнем отсюда – скомандовал Искандер, и десятка тут же остановилась. Охотники разбрелись по одному в пожарища, окрикая людей. Оби взял свисток и начал свистеть на всю улицу. Точно такой же свист послышался и от других десятков вдалеке. Но никто не откликнулся. Людей здесь не было, ни одного крика, ни одного стога.

– Тут никого! – крикнул кто-то – может быть они к северу отошли, там водоем был. Четвертая декада как раз туда идет.

– Хорошо, собрались, идем дальше! – Искандер сжал поднятый кулак, и охотники быстро сбежались к нему. Он повел вперед.

Они успели пробежать еще несколько улиц, как вдруг замерли. Неподалеку прогремел одинокий выстрел. Его гул тут же утонул в шуме города. Считанные секунды – еще два залпа. Охотники повернулись на шум. Они без труда определили, из какого оружия стреляли, поняли даже, кто стрелял.

– Шестая или седьмая декада, кто-то уже напоролся на гин – заключил Оби, взял в рот свисток и продолжил свистеть дальше.

Спустя полчаса они углубились в город еще сильнее, но

так никого и не встретили. Искандер начинал злиться, Каори заметила его взбухшие вены на висках. Неужели все зря? Но они не приехали поздно... они точно не опоздали. Тогда где все люди... где, по крайней мере, их тела?! Ведь здесь абсолютно никого нет, ни живого, ни мертвого, словно город стал призраком. При таком раскладе волей-неволей начнешь верить в те слухи, что жители могли сами поджечь дома и уйти.

Когда они добрались до крупного водоема, который был источником жизни, сердцем города, ведь Грохм располагался в засушливой степи, то и тут им никого не удалось найти. Здесь заметно тише, огня уже не было, а угли медленно тлели среди обломков.

– Пожар начался отсюда... – сказала Каори – а потом уже пошел по всему городу. Тут давно все сгорело.

– Значит, люди и не стремились сюда.

Оби резко вскинул винтовку и крикнул.

– Двое слева!

Напротив охотников прямо из обломков выпрыгнуло два существа. Две громадные гиены, отличавшиеся от простых гиен тем, что они являлись униками. У них было некое подобие гривы, состоящей из переливающихся красных кристалликов. Их высокие ушки горели синими язычками огня, прямо как свечи. И каждый охотник знал, чем они опасны. Люди веками боровшиеся с униками, передали знания о них из поколения в поколения. Угроза огненной гиены исходила от ее смертоносной пасти, которой она могла порвать

металл, а так же от хвоста, полыхавшего пушистым огнем. Хвост был одновременно и их слабостью, ведь если огонь на нем затушить, это принесет уникаму чудовищную боль. Поэтому они старались держаться подальше от воды и как можно ближе к пламени, которым они питались.

Животные не стояли на месте. Выбежав перед охотниками, гиены ринулись на них. В сверкающих пламенем глазах они видели перед собой только свою добычу. Каори присела на колено и прицелилась. Ее Геверстон раскатился выстрелом на всю округу. Пуля сразила ближайшую гиену, угодив прямо в морду, она вылетела насквозь через гриву, раскидав отколовшиеся кристаллы вперемешку с мозгом. Следом начали стрелять другие охотники.

Вторая гиена перепрыгнула упавшее тело, резко увильнув вправо, так что несколько пуль охотников просвистели мимо. Она прыгнула на ближайшего к ней человека, вцепившись ему в глотку. На землю тут же брызнула кровь. Мужчина не успел закричать, он повалился на спину и выронил винтовку. Гиена успела перегрызть ему горло и хлынувшая кровь из артерии с шипением пролилась на ее огненное тело. Оби тут же прикончил зверя, расстреляв всю обойму в область сердца. Уникум упал на брюхо и пламя его начало медленно гаснуть.

Охотники подбежали к раненному человеку. Кто-то с широченными от ужаса глазами еще пытался что-то сделать, зажать горло, чтобы не шла кровь. Тот смотрел на них с таким

же страхом в глазах и мычал, прося этим о помощи. Агония подводила его к концу.

– Его не спасти – сказал тихо Искандер, присев у тела.

– Но как же... господин ван Розенвельд... сделайте что-нибудь! – кричал охотник, который все еще держал друга за горло – вы же квинт! Спасите его!

Искандер опустил взгляд, Каори подошла к нему сзади, глядя через его плечо на дергающееся тело. Ее глаза, как и глаза остальных охотников, были пусты, блеклы. Они видели такое не раз. Человек не способен победить смерть.

– Я квинт, а не господь бог. – Искандер положил тяжелую руку на плече отчаявшегося охотника – оставь его, нужно закончить работу. Оставь... смотри, он уже мертв.

Давно наступила ночь, но огонь все не унимался. Неподалеку от Грохма находились невысокие холмы. С них открывался полный вид на разрушения. Иссохшая желтая степная трава дрожала, захлебываясь пылью и пеплом, разлетевшимся вокруг от города. За пожарами и редкими вспышками выстрелов отсюда со стороны наблюдал человек высокого роста, все его тело скрывала черная накидка, которую то и дело подхватывал ветер. Большой капюшон скрывал лицо. Крик охотников и залпы, он отчетливо их слышал. Его работа в Гроhme была закончена и теперь своими нечеловеческими глазами, с разрезом зрачков как у голодного дикого зверя, сверкающими ярким фиолетовым светом, он смотрел на ре-

зультат. Ни одной мысли в голове, внутри него тоже горел огонь.

Группа Искандера тем временем добралась до окраины города. Им так никто и не встретился и теперь охотники рас-селись во внутреннем дворике небольшой харчевни. Здесь было несколько столов, которые огонь не стал трогать. Люди теснились на скамейках, пересчитывая оставшиеся патроны. Все были подавлены, никто не говорил, ведь достаточно было посмотреть в глаза друг другу и все сразу становилось ясно – эта трагедия ни чем не отличалась от тех, что происхо-дили до этого каждые десять лет. Никто не знает, что случи-лось, и кто на самом деле сжег город. Охотники лишь смот-рели на огонь, все еще полыхавший где-то вдали, освещая все вокруг.

– Даю вам десять минут, но ушки на макушке, – сказал Искандер, присевши рядом с остальными около стола, на ко-тором начали раскладывать перекус – Переведем дух и дви-немся вон по той улице на юг, обратно к составу.

Теперь слышалось только чавканье, те, кто еще мог пих-нуть в себя кусок после всего увиденного, набивали рот едой. Молодые же, держа оружие навесу, смотрели по сторонам, дергаясь от каждого шороха. Оби жевал мясо, сочившееся соком наружу изо рта, и оглядывал каждого охотника. Его взгляд задержался на Каори, которая снова села отдельно от остальных, как можно дальше. Он презрительно качнул го-ловой и поднес к губам флягу. В ней ничего не осталось, и

Оби удрученно закрутил крышку. Тут его голову посетила мысль наведаться в харчевню, там-то уж наверняка было что выпить. Он взял в руки винтовку и качнул головой Искандеру, показывая, что собирается делать.

– Только не налегай на вино.

– Да что вы, господин ван Розенвельд...

Внутри еще что-то светилось, горело, но охотник решил рискнуть.

Каори открыла кожаный подсумок, закрепленный на ее поясе. Патронов было достаточно, чтобы бороться еще с целой стаей огненных уникамов, пока что она выстрелила лишь один раз. Сразу в голову... перед глазами мертвые гиены, их угасшее пламя. Она убила, спасая себя и тех людей, которые были совершенно чужими для нее. А ведь они вполне могли стать ее врагами, и все еще могут, если узнают ее секрет. Для нее в этой жизни больше нет друзей, только враги.

Пока другие уплетали остатки мяса и уже навскидку оценивали, сколько им в гильдии отвалят за такую вылазку, Каори просто считала патроны, не думая о наживе. Все вновь забыли о ее существовании, даже Искандер. Девушка посмотрела за спину, в ее сторону и правда никто не смотрит. Теперь она могла спокойно сложить ладони, прислонив кончики пальцев ко лбу. Закрыв глаза, она начала просить прощения. Перед тем, как убить гиену, девушка поклялась себе, что обязательно помолиться за нее, чтобы после смерти ду-

ша уникама попала в лучший мир. В мир, где их не истребляют. Она вспомнила глаза зверя, пулю, что угодила гиене в голову и отняла жизнь. Горечь внутри нарастала. Но не у кого было просить утешения. Она лишь одна жалела их, единственный охотник, кто, убивая, сожалеет.

– Я не забуду тебя, – шептала она – и когда-нибудь мы снова встретимся в том месте для уникамов, куда ты попала теперь. Там я и упаду перед тобой на колени.

Издали послышался крик.

Охотники тут же подняли головы. Из горы тлеющих черных обломков, там, где когда-то стоял деревянный дом кто-то отчаянно вскрикнул. Голос тоненький, детский, ужас в нем перемешан с болью. И все увидели, как рухнувшие перекрытия начали шевелиться, под одной из балок виднелось маленькое человеческое тельце. Мальчик кричал из последних сил, поднимая своей спиной балку, весь в крови, кожу практически не видно. То и дело балка грозила сорваться на него, сломав детские кости, и раздавить насмерть. Он спокойно мог уйти из-под нее, но почему-то держал с трясущимися ногами, смотря под себя, терпя боль от ее обожженной стороны. Рывки его голоса становились все слабее и слабее.

– Кто там?!

– Человек! Там человек!

Каори была ближе всех к мальчику. Другие вскочили со своих мест и побежали вперед. Но обломки дома, среди которых кричал ребенок, были так далеко, что ни кто не успел

бы добраться. Надежда не родилась в сердце, было ясно – ему конец. Удивительно, что он вообще смог как-то приподнять над собой такой вес. И вот его колено подогнулось, еще миг и целая крыша похоронит его под собой окончательно. Сердце девушки сжалось от страха. Она поняла, что только ей по силам сейчас спасти мальчика, но тогда все увидят, кто она есть на самом деле. И это будет смертный приговор. Стоит ли чужая жизнь такого риска? Каори не двигалась с места...

В эту же секунду за спинами охотников раздался еще один крик. На сей раз взрослого человека. Истерический вопль Оби, за которым последовал выстрел, остановил остальных охотников, заставив вскинуть винтовки. В оконных проемах вдруг стало больше оранжевого света и это наводило лишь на одну мысль. Проверять не пришлось. Мужчина выбежал из харчевни, его камуфляж из плотной ткани горел на спине. Он споткнулся о дырку в деревянном полу и упал на живот. Следом за ним к охотникам выскочило три гиены. Одна сразу же приземлилась лапами на спину Оби, его винтовка вылетела из рук далеко вперед. Все без исключения охотники повернулись на уникумов, взяв гиен в прицел. Еще миг и зверь оторвет Оби голову, его пасть уже над шеей.

– Вот он, мой шанс, – Каори поняла, что больше ее никто не видит, все переключились на гиен. Это и в самом деле шанс. Шанс спасти сразу несколько жизней. Она сильно зажмурила глаза, произнесла лишь одно слово – остановись!

В голове противно заскрежетало. Как будто сверло попыталось пробиться сквозь ее череп внутрь. Из носа потела тоненькая струйка крови. Скрежет стих, но на уши все еще давило так, будто Каори оказалась на огромной глубине под водой. Уши тоже вскоре начали кровоточить.

Вокруг все стихло, ни единого звука. Каори открыла глаза – получилось!

Время застыло, окружение перестало двигаться. Люди, капельки пота на их грязных лицах, гиены, их леденящий рев, все остановилось. Даже языки пламени замерли, свет от них сильно исказился и исчез. Черные тучи, переполненные пламенем, тоже больше не клубились в небесах, все запахи, шумы и даже мысли в головах перестали раздувать страх. Лишь только Каори продолжала идти, как ни в чем не бывало, время склонилось к ее ногам.

Она убрала свою винтовку за спину, двигаясь медленным шагом к Оби. Думать о том, заслуживает ли он спасения или нет, ей не хотелось. Клыки гиены были настолько близко к шее охотника, что между ними было бы тяжело протиснуть даже лист бумаги. Лицо мужчины выглядело сейчас так нелепо – сопли, перемешанные с ужасом, открытый рот из которого больше не вырывается крик. Каори знала, что по-другому не сможет поступить, ведь иначе чем она лучше столь презренных ею убийц. Не больше чем та же убийца. Каори не спешила, ей незачем было спешить, пока она одна ходит в замороженном времени мира. Это можно было де-

лать сколь угодно, пока позволяла боль в голове. На уши давило все сильнее.

Каори сделала то, что пришло в голову первым. Она разрядила винтовки всех охотников, потом избавила их от холодного оружия. Разрядила и свою, чтобы никто ничего не подумал. Затем отправилась к гиенам. Единственный способ сохранить им жизнь, это просто отпугнуть. Она нагнулась к спине Оби и сняла с его пояса флягу, та была полной. Девушка открутила крышку и попробовала, что было внутри. Вода, как ни странно – ухмыльнулась Каори. Теперь она подошла к хвосту гиены, самой ее слабой части. По очереди, от одного животного к другому, она вылила всю воду на их хвосты, а затем вставила пустую флягу в зубы той гиены, что почти достигла Оби.

Лицо Каори ни на миг не лишалось ироничной улыбки. Сладкое осознание обидного факта, что этот ублюдок никогда не узнает – он обязан своей жизнью ей, уникаму. Тому самому уникаму, которых он так жаждет распотрошить.

Оставив эту мысль, она побежала в сторону обломков, где вот-вот сгинет в черном пожарище маленький мальчик. Теперь все выглядело так, что Каори с самого начала побежала сюда, и пока остальные охотники отвлеклись на гиен, она успела спасти ребенка.

– Выходит, тебя спасли эти гиены... – сказала Каори, подойдя к обломкам и зажмурившись. Вновь все загремело, вновь послышался шум огня и крики мальчика. Позади за-

щелкали пустые винтовки, большинство охотников заорали от страха, не понимая, что происходит. Но им уже ничего не грозило, ведь потухшие хвосты гиен заставили животных с диким воем убежать прочь. Охотники продолжали браниться, смотря друг на друга и с остолбеневшими глазами подмечая, что оружие разряжено у каждого.

Послышался голос Искандера.

– К пацану, живо!

Тут-то они и увидели, что Каори уже давно там, в двух шагах от него.

– Ну и шустрая же, чертовка.

– Идем, поможем!

Люди толпой ринулись к обломкам, все еще с недоверием поглядывая на свои винтовки. Только лишь Оби с вытаращенными глазами кое-как уселся на порог у крыльца харчевни, потирая шею. Только что он почувствовал дыхание смерти за спиной, которое было отогнано сладким, отчего-то знакомым запахом цветов.

Каори с трудом шла через торчащие вверх, словно пики, куски дерева, к ним не прикоснуться. Мальчик уже не кричал, но все еще смотрел под ноги, Каори прикладом винтовки приподняла балку с его плеч – тот сразу рухнул вниз без сознания – и откинула ее в сторону. Оставшаяся часть крыши, которая лежала на этой балке, загромыхала, но удержалась, на их счастье. Каори приподняла тело ребенка. Ему на вид всего лет шесть, не больше. Растрепанные грязные во-

лосы кремового цвета, все в угле, рваный обожженный балахон в крови. К телу не прикоснуться, спина в волдырях ожогов. Лицо напряжено, он вновь пришел в себя, стиснув зубы. Глаза приоткрылись, и он увидел людей, стоявших вокруг. Для него они все огромные, слишком огромные и страшные черные силуэты со сверкающими глазами. И лишь девушка, что держала его в руках, заставляла сердце успокоиться. Он помнил, именно она подбежала к нему, это она его спаситель. В ее черных глазах и легкой, но горькой улыбке он увидел тепло. Последний взгляд он бросил под ноги, потом карие глаза закрылись, и Каори прижала его к себе. Девушка укутала его в одеяло, поданное одним из охотников. Она поднялась на ноги, держа мальчика в руках, и уже собралась выйти отсюда, как вдруг ее нога запнулась обо что-то мягкое. Каори посмотрела вниз. Все это время под ногами мальчика лежал еще один ребенок. Он был куда моложе, и его оказалось сложно отличить от обугленной деревяшки. С ног до головы дитя измазанное сажей.

– Там еще один, смотри! – крикнул кто-то из охотников и они все принялись голыми руками разгребать горячие обломки – копай!

Каори тем временем вышла прочь с пепелища, здесь ее уже ждал Искандер. Он принял мальчика, завернутого в одеяло, и осторожно положил его на землю.

– Жив, – сказал Искандер, мельком осмотрев его тело – просто отключился.

Только он сказал это, как ребенок тут же вновь открыл глаза и прохрипел, глядя в черное небо.

– Что с Леви? Спасите Леви...

Каори провела ладонью по его щеке. Она сидела перед ним на коленях и забыла обо всем на свете. Искандер обернулся, посмотрев на то, как охотники достали еще одного ребенка и тут же принялись натирать спиртом раны.

– Леви, видимо, это вон тот, второй – сказал он.

Вскоре этого мальчика с короткими янтарного цвета волосами положили рядом с первым. Искандер осмотрел и его.

– Ну что, как он? – спросила Каори

Искандер кивнул.

– Удивительно... он тоже жив.

Каори сильно выдохнула, от груди словно отлегло. Она нагнулась к лицу ребенка со светлыми волосами, которого достала первым.

– Кто вы? Где ваши родители, что вообще здесь случилось?

Но мальчик на издыхании лишь успел произнести.

– Мое имя Тефтон... где Леви?.. Достаньте Леви...

– Леви спасли, ты слышишь? Он рядом с тобой – Каори говорила уже прямо ему на ухо, но это было бесполезно, ведь Тефтон вновь отключился.

Каори выпрямилась, посмотрев на Искандера. Остальные охотники молча смотрели на детей, встав в круг.

– Вот уж повезло им, что мы рядом оказались...

– Помолчал бы уж.

Искандер какое-то время смотрел на лица детей, потом вдруг встал на ноги и посмотрел на охотников.

– Так, разберитесь со своими винтовками и идите вдоль этой улицы. Может быть, на ней тоже кто-нибудь еще жив. Оби! Оби, иди сюда, нужен свисток! Если кого найдете, тут же зовите остальных, понятно?

– Понятно, господин ван Розенвельд – смело ответили мужчины и тут же разбежались по сторонам.

Рядом с детьми остались только Каори и Искандер.

– Интересно, что все-таки случилось? Живы ли их родители? – начал рассуждать он.

Каори не ответила, она продолжала сидеть на коленях рядом с Тефтоном, молча смотря на лица детей. В голове не укладывалось, они все-таки кого-то достали! Кто-то остался жив после этой ночи.

Искандер продолжал:

– В любом случае, я не питаю счастливой надежды... – он притих и сказал тоном ниже – ловко ты сюда прошмыгнула.

У девушки что-то оборвалось в груди, ее уколол страх.

– Я не обратила внимания... просто побежала.

– Идея залить хвосты водой твоя?

Каори подняла глаза, ощущая Искандера за спиной. Он держит оружие в руках?

– Я не понимаю, к чему ты...

– Ладно. Забудем.

Каори обернулась, мужчина был безоружен, он присел рядом с ней.

– Искандер... я...

– Я не наврежу тебе, Каори. Я слишком долго живу на этом свете и давно умею отличать хороших людей от плохих. Понимаешь?

Каори не знала, что сказать. Неужели он намекает, что обо всем догадался? Даже если он ее друг... его нельзя оставлять в живых, если он знает. Людям нельзя доверять. Но что она сможет сделать?

Девушка молча кивнула.

Несколько минут они просидели в тишине, смотря на ребят. Где то вдали слышались шорохи других охотников, свисток Оби. Затем Искандер вновь нарушил их тишину.

– Ты же понимаешь, что значит сожжение Грохма для этих пацанов?

– Им... наверное им будет сложнее найти учителя...

– Нет, Каори. Ты станешь их учителем.

Она посмотрела на него, ничего не ответив, но мужчина почувствовал, как она пытается сопротивляться своим молчанием, он ощутил ее беспомощный взгляд. Тот самый взгляд, что ни один человек никогда не видел на лице Каори.

– Не отнекивайся. Ты прекрасно знаешь, что ждет их в общественном приюте. Этот Тефтон, он держал балку из последних сил, сражался за свою жизнь и жизнь его друга, а может и брата. Я не хочу, чтобы в приюте из них сделали

рабов. Пожалуйста, Каори.

– Но я не могу! – она встала на ноги и отошла немного, вдруг остановившись – я не стану.... Возьми лучше ты.

Искандер покачал головой, повернулся к девушке и взял за плечи, посмотрев прямо в глаза, которые напугано взирали на мужчину.

– Мы все боимся взрослеть. Все пытаемся отодвинуть этот срок разными предложениями. Но неизбежного не избежать, Каори. Ты прекрасно знаешь, что я не могу взять их, у меня уже есть ученик. Гильдия не позволит. А если ты позволишь отдать их кому-нибудь из тех, с кем ты только что ехала в вагоне, то их лучше бы было вообще не спасать. Достойными людьми они не вырастут. Отбрось сомнения и не бойся самой себя. Ты вырастишь из них настоящих охотников... не этих. Ты заменишь им мать, которая, должно быть, стореда в огне этой ночи. Ну же.

Он отпустил ее плечи, и Каори медленным шагом подошла к детям. Она нагнулась над Тефтоном и запустила пальцы в его светлые волосы. Мальчик был теплый, и лежал так тихо, словно просто спит.

Неужели все и вправду закончится этим? Она возьмет их себе под крыло. Но такой иронии этот мир может и не потерпеть – охотники воспитанные уникамом. Искандер был прав – если не взять этих детей сейчас, то лучше бы им стоило погибнуть здесь. Таков этот мир.

– Хорошо. – Каори произнесла твердо, посмотрев каждо-

му мальчику в лицо, а затем на Искандера, – хорошо. Я возьму их в свои ученики. Отныне эти двое будут носить мое имя.

Глава 2 Предназначение охотника

С той страшной ночи, когда целый город пал в огне, минуло восемь лет. Но на острове все еще продолжали вспоминать бедный Грохм, который пополнил список уничтоженных городов. Говорили об этом неохотно, мало ли, вдруг это навлечет беду. И теперь люди отсчитывали дни до того момента, когда пройдет еще десять лет, когда неведомое вновь заберет с собой один из тысяч городов.

Колокольня небольшого прибрежного городка на западе острова начала трезвонить, оповещая всех жителей о наступлении полудня. Узенькие мощеные улочки моментально заполнились разношерстной толпой, здесь было не протолкнуться. Сотни рыбаков шли от причала, где множество лодок разных размеров лежали друг на друге, до центра. На рыночной площади всегда пахло свежей рыбой – этот морской соленый запах как сигнал заставлял остальных выйти со звонкими кошельками на поясе. Бесчисленные повозки создавали заторы, и рыбаки начали торговать, не доезжая до рынка. Звон колокола разносился все дальше по округе Западного Хорайзона.

Среди толпы спешно протискивалась детвора. У ребят была совсем другая забота. Со вчерашнего дня они ждали, когда дядюшка Бромнджир постелет себе ковер с подушками в центре города, прямо напротив колокольни, расставит

скамейки и начнет свой урок. Не важно, о чем он будет говорить, все с нетерпением ждали его и всегда слушали с охотой.

Это был, пожалуй, самый дряхлый, самый повидавший старик в городе. Каждый день после полуденного боя колокола он ждал всех девочек и мальчиков у себя. Простые люди были бесконечно благодарны ему за это, ведь если не он, то кто ответит на вечный детский вопрос «почему?», постоянно отвлекающий от работы.

Груженные телеги с рыбой и другими товарами со скрипом колес проезжали позади ребят и голодные животы каждого из них молящим урчанием нарушали рассказ Бромнджира. Детей становилось все больше, они занимали свободные места и как заколдованные смотрели на старика.

На самой дальней скамейке среди юнцов сидели двое братьев. Один из них, тот, что младший, поставив руки на колени и оперев голову, с вытаращенными сверкающими глазами янтарного цвета слушал каждое слово Бромнджира. Одноцветные глазам волосы были заплетены в короткую косу, а длинная разделенная челка немного прятала лицо. Младший брат действительно слушал с увлечением, как в первый раз, чего нельзя было сказать о старшем.

Этот сорванец сидел на скамье, перекинув ногу на ногу, сложив руки за головой. То и дело он посвистывал разные мелодии, вызывая на себя гневные взгляды других ребят. Растрепанные светлые волосы, взгляд устремлен в небо. В карих глазах чистейшее мечтание, предвкушение вечера,

когда на этой же площади начнут транслировать последний этап турнира гильдии охотников. Он то и дело поглядывал на прилавки.

Оба брата выглядели довольно бедно, и многим, знавшим их – а знали мальчишек почти все – это казалось странным. Ведь они были учениками одного из лучших охотников. Неужели учитель не может их одеть, как подобает по статусу? Вся одежда в заплатках, потертая. Но спрашивать братьев об этом никто не решался. С такой репутацией чудаков, как у них, к ним даже подходить боязно – чудаки, как водится, могли выкинуть что угодно.

– Тефтон, не отвлекайся, – сделал, наконец, замечание дядюшка Бромнджир. Все тихо захихикали. – Бери пример с Леви.

Как ни странно, но краской в ответ на это замечание залился именно Леви, а вовсе не Тефтон, который лишь презренно фыркнул, но все же убрал ногу с ноги.

Бромнджир продолжил рассказ.

– Итак, дети, настало время поговорить об Острове. Том самом Острове, на котором все мы с вами живем. Наш мир огромен, маленький шарик, летающий во тьме, который называется планета. На этой планете, во всем мире есть единственный клочок суши, единственное место, где человек может жить, а все остальное вода. Поэтому что нужно делать?

– Беречь Остров! – хором ответили все дети, кроме Тефтона. Тот лишь закатил глаза, потому что уже в сотый раз

слышал эту историю. Эх... как бы хотелось сейчас перемотать время вперед, поближе к турниру, или вновь перечитать последний выпуск «Охотничьего еженедельника», ну или хотя бы пострелять из Геверстона по банкам, но нет, приходится сидеть здесь с этими малоросликами и слушать все по новой просто потому, что у старика была плохая память, и он совершенно забыл, что уже рассказывал эту историю. Но не ходить к Бромнджиру он не мог, ведь Каори строго настрого наказала братьям каждодневно собираться на его занятиях.

Тем временем из-за облаков вышло солнце, воздух начал прогреваться. Детей от яркого света защищали высокие каменные стены колокольни. Но по какой-то вселенской несправедливости Тефтон сидел именно в той части рыночной площади, куда тень не попадала.

Спустя несколько минут мальчик весь взмок. Он начал раскачивать Леви, то и дело шепча и уговаривая его сбежать с занятия. Но Леви был непреклонен.

– На Острове существует зло и добро. Добро это мы с вами, это все гильдии, честно выполняющие свою работу. Любой труд, каждое занятие имеет свою гильдию. Ну ка, кто какие гильдии знает?

– Гильдия портных!

– Гильдия кузнецов! О, и еще Гильдия цветочников!

– Гильдия рыбаков в нашем городе!

На Бромнджира тут же посыпались десятки разных от-

ветов названий всевозможных гильдий. Старик улыбнулся, приподняв руку и заставив всех умолкнуть.

– И вне гильдии работать нельзя. Таков закон самой главной Первой гильдии.

– Безгильдийным быть плохо, нужно упорно трудиться! – хором продолжили дети.

– Когда человек рождается, первые годы он живет с мамой и папой. Но потом, когда вам исполнится пять лет от роду, вас к себе возьмет в ученики один из членов общества. Он станет вам учителем, и нет священной связи, чем связь между учеником и его наставником. Она объединит вас на всю жизнь.

Лица детей отчего-то помрачнели, они все как один поникли головой, глаза их у кого заблестели, а у кого стали словно ледяными.

– Дядюшка Бромнджир, – робко приподняла ручку маленькая девочка, что сидела на первой скамейке – а почему мамы и папы не могут нас учить?

Этот вопрос заставил Бромнджира заткнуться, но потом он все же ответил.

– Это чтобы вы не мешали маме с папой завести новых детей для других гильдий... и чтобы не мешали им работать. Единственная ваша семья на всю жизнь это ваш учитель. Так заведено с самого образования Острова уже почти две тысячи лет назад.

Другой ребенок тут же спросил.

– А что будет с теми, кого взрослые не возьмут в учителя?

Но Бромнджир сделал вид, что не услышал этого вопроса, откашлялся и продолжил.

– Но есть на Острове и зло. Зло это уникамы – все дети моментально завелись, сжав кулаки и оскалив зубы, старик поднялся на ноги и начал в шутку делать угрожающе выпады, руками показывая монстра. – Эти мерзопакостные создания только спят и видят, как бы убить вас и вашего учителя, как свергнуть Первую гильдию и нашего светлейшего главу Тайрона Брайда. Бойтесь их! Ненавидьте их! И если увидите уникама, то кого сразу нужно позвать?

– Охотников!

– Именно, дети. Гильдия охотников была создана, чтобы защищать нас и помогать людям.

– Уникумы зло! Общество добро! – хором заорали дети, да так что весь рынок услышал и оглянулся.

Тефтон сплюнул слюну на брусчатку. Его руки давно были сложены на груди – он устал слушать об угрозе уникамов в очередной раз. Зато теперь мальчик точно знал, что делать.

На другом конце площади мужчина, который трудился в Садовой гильдии, аккуратно и красиво раскладывал яблоки в шахматном порядке. За этими красными наливными уже выстроилась целая толпа покупателей. Тефтон жадно улыбнулся, наклонив голову вбок.

– Леви, хочешь яблоко? – спросил он, ударив брата по плечу.

– Ай... отстань – буркнул Леви еле слышимо.

– Давай, братец. Я с утра крошки во рту не держал, а вон те красные яблоки наверняка слаще пастилы, что вчера нам приготовила бабушка Акина.

Тефтон знал, на что надавить. Его улыбка стала еще шире, когда он увидел, как Леви с любопытством, голодными глазами посмотрел на далекий прилавок.

Старший брат продолжал.

– Ну давай же, Леви, ну. Я больше не хочу тут жариться.

Леви ответил заметно тише, робея.

– Но... ты же сам не купил утром еды на те деньги, что оставила нам Каори.

Тефтон раздраженно выдохнул.

– Вот ты дурень. Сам прекрасно знаешь, что деньги нам нужны для другого. Помнишь, Бромнджир рассказывал: наш Остров настолько большой, что чтобы обойти его, нужно потратить больше года. А я не хочу идти до столицы на экзамен пешком.

– А на что ты яблоки купишь?

Тефтон шептал уже почти на ухо.

– А я и не сказал, что куплю их, дурень. Смотри сколько там народу, видишь? – он кивнул головой в сторону прилавков, которые и в самом деле скрылись в очереди людей – мы мелкие и быстрые. Прожмемся между ними, тихо возьмем парочку и убежим...

– Снова воровать?!

Леви сказал это не слишком громко, но на его губы тут же прилетела затыкающая ладонь брата.

– Да что ж ты так кричишь, Леви. Не парься, этому садовнику будет не жалко пары яблок для будущих охотников, которые спасут его семью от уникумов, согласен?

Леви понимал, что ответить ему нечего. Он не хотел воровать яблоки, но так боялся, что переубедить брата не получится – все его тело с ног до головы задрожало. Голос в конец превратился в решето, из которого выпадали слова.

– Ну... ну давай...

Тут же Тефтон схватил его за шею и опустил вниз, с опаской озираясь на остальных. Никто не смотрит, отлично.

Ползком меж пустых скамей они пробрались к площади. Все еще никто не заметил. Голос Бромнджира становился все дальше и дальше, пока его речь совсем не перестала быть слышной. Сердце Леви билось все чаще, кроме его бешеного стука он вообще перестал слышать все вокруг. Тефтон чувствовал, как леденеет его рука, но это ему было безразлично. Он уже задал себе цель и идет к ней.

На середине пути, когда они окончательно скрылись из виду Бромнджира и детей, Леви вдруг остановился, одернув брата.

– Мо... может, все-таки купим их? Брат, пожалуйста... я не хочу неприятностей – Леви почти умолял, глаза его заблестели от слез – если Каори узнает...

От этой мысли у обоих внутри все потяжелело, им на се-

кунду даже показалось, что она стоит прямо сейчас за их спинами и подслушивает. Они тут же обернулись, учителя не было – облегченный выдох.

– Нет, Леви, не глупи. Мы столько работаем, чтобы накопить на экзамен, билеты и винтовки, что не можем тратить-ся на еду. Если мы не скопим денег к единому дню экзамена гильдий, то придется ждать еще год. А я больше не могу ждать...

Он дернул брата за руку, и они пошли к прилавку.

Дальше все происходящее для Леви было как в тумане, покадрово, размыто. Люди превратились в силуэты, вот братья входят в толпу, вот они обходят одну спину за другой. Сквозь стук сердца Леви услышал мягкую доброжелательную речь садовника, от которой в грудь словно вонзается нож.

Тефтон дернулся вперед, все случилось.

Он схватил пару яблок в обе руки, прижав их к себе, и в ту же секунду побежал, крича уже на ходу.

– Деру, Леви! Каждый сам за себя!

Никто, наверное, и не подумал бы преследовать Леви, если бы он не побежал рядом с братом. Но он не мог оставить его, выхода не было.

Садовник тут же поднял шум на всю площадь, крикнув что-то своему ученику, чтобы тот следил за прилавком, и мигом кинулся за братьями. Где-то вдали послышался свисток человека из надзорной гильдии. Столь знакомый этим дво-

им.

– И незачем было так орать! – упрекал Леви Тефтона на бегу, глотая воздух все чаще с характерным хрипом. Они забежали в первый попавшийся переулок, прохожие шаркались от ребят в сторону, придерживая головные уборы от ветра.

– Я бы и рад... но когда я схватил яблоки, этот мужик посмотрел прямо мне в глаза.

– Пацан в белых шортах с черной жилеткой, светлые волосы, а второй... второй вроде с коричневыми волосам и с косичкой тоже в рванье каком-то.

Позади братьев слышался голос садовника, который на бегу описывал кому-то внешность воров. Тефтон и Леви беспорядочно меняли одну грязную улочку за другой, забегая на каждый переулок, стоит ему только попасться на глаза. Их уже давно потеряли из виду, но ноги не останавливались.

– Пообещай мне, Теф, что когда мы станем охотниками и разбогатеем, то отдадим этому человеку деньги за яблоки.

Тефтон почему-то засмеялся, Леви подхватил смех.

– Хорошо, обещаю!

С радостным громким смехом, каплями счастливых слез и пота, слетающим с них, они добежали до порта. Вода играла волнами, и морской бриз встретил мальчиков. Солнце жарило все сильнее. Хотелось поскорее окунуться и съесть сладкие яблоки. В порту было несколько мальчишек, с завистью смотревших на рыбаков, готовивших свои баркасы к

ночному плаванию. Тефтон и Леви остановились поодаль от воды, чтобы отдышаться.

Садовник, тщетно пытавшийся догнать воришек, понемногу сбавлял ход. Ребят нигде не было видно, им удалось скрыться. Свисток с площади уже не свистел. Мужчина махнул рукой – не стоила какая-то пара яблок таких усилий. Он остановился и оперся руками о колени, выдыхая разгоряченный воздух из легких и смотря исподлобья вперед. Точно не стоит... садовник развернулся обратно, как вдруг мимо него что-то пролетело. Он не успел понять, что именно, как будто тень. Послышались быстрые и легкие шаги, убегające вдоль по мостовой в сторону океана.

Тефтон передал одно из яблок Леви. Тот уставился на него как на слиток золота, но не спешил есть. Мальчик смотрел на красную кожуру, которая отражала солнечный свет. В голове одна лишь мысль – мы поступили плохо, оно чужое. Из-за этого рука, которая держала яблоко, ни как не могла подняться в сторону рта. Зато Тефтон без всяких угрызений совести сладко хрустел плодом, обглаживая его до самых косточек. Сок стекал по рту, а улыбка становилась все шире. Он посмотрел на Леви.

– Да-а. Этим, конечно, не наешься. А ты чего? Если не хочешь, то отдавай мне, я съем.

Леви сглотнул. Он хотел есть, под ложечкой сосало, но именно это яблоко вызывало у него отвращение. Казалось, стоит откусить, и он познает такую горечь, которую никогда

до этого не пробовал. Откусить и увидеть сотню червей. Ладонь с плодом начала подрагивать, мальчик закрыл глаза и медленно протянул яблоко брату.

Но на полпути плод перехватил другой человек.

Каори взяла яблоко в руку. Ребята обернулись. Леви мигом изменился в лице, оно стало бледно-белым. Во рту ментально пересохло, и он не мог произнести ни слова. По голове как будто чем-то ударило.

Тефтон выглядел не лучше. Он застыл с глупым выражением лица с куском яблока во рту, не отводя глаз от Каори. Она молча смотрела на них сверкающим взглядом.

– Каори... мы... – начал было Тефтон.

На всю улицу раздался громкий звук пощечины. От удара Тефтона повело, широкими глазами он уставился куда-то вниз, словно до конца не осознавая случившегося. Но горевшая красная щека действовала отрезвляюще.

Леви все понял сам и смиренно подставил лицо. Он не зажмурился и ждал сейчас больше всего на свете именно этого удара. Он видел, как прохожие начали смотреть в их сторону, некоторые даже остановились. Другие ребята не скрывали тихого смешка. Как же стыдно... ударь же, ну! Однако Каори не замахнулась на мальчика, оставив ему лишь разочарованный строгий взгляд своих черных глаз.

Людей вокруг становилось все больше, от них доноситься лишь монотонный шепот, который не разобрать. Но Тефтон и Леви прекрасно знали, о чем сейчас все думают.

Два маленьких мальчика продолжали молча стоять, склонив головы перед девушкой в белом плаще. На ремне за спиной у нее висел длинный футляр из плотной серой ткани. В нем находилась винтовка – значит, это был охотник, и лишние вопросы начали отпадать сами собой.

– Живо домой – коротко ответила Каори.

Дети сиюминутно повиновались. Быстрым шагом, стараясь прятать свои лица и не на кого не смотреть, они пошли прочь вдоль по основной улице. Казалось, каждый сейчас взирает на них. Каори шла позади, они чувствовали это, чувствовали, как она смотрит им в спины чудовищно тяжелым взглядом. Братья лишь изредка переглядывались меж собой, словно обмениваясь мыслями, что для них уготовано. На ум ничего не приходило и от этого становилось еще страшнее.

Они вышли из города и отправились вдоль побережья к своему дому, где вот уже восемь лет жили вместе с Каори и ее учителем охотником Акиной. Дом стоял у самого края обрывистого берега, отделенного от океана громадным песочным пляжем. Здесь всегда было мало людей, может, поэтому Каори и поселилась тут когда-то давно, уговорив своего пожилого наставника. Окна второго этажа среди белых стен уже виднелись вдалеке. Час расплаты все ближе, каждый шаг тяжелей.

Взбираясь на скалистый обрыв по самодельной деревянной лестнице, братья увидели вдалеке Акину. Она разрешила им называть себя бабушкой, хоть ей это и не совсем нра-

вилось, но от седых волос не спрячешься. Что ж поделать, если дети запали ей в душу после самой первой встречи, когда Каори вернулась из Грохма.

Акина была невысокого роста, из-за старости она постоянно сутулилась. Зарабатывать на жизнь охотой больше не было сил, поэтому все держалось на плечах Каори и тех немногих добрых людей, которым она сама когда-то помогла.

Бабушка Акина встретила мальчиков как всегда с улыбкой. Она развешивала во дворе только что выстиранные белоснежные простыни, от которых пахло цветами, как и во всем доме. Из открытого окна на первом этаже, где располагалась кухня, чуялся сладкий аромат выпечки с какой-то вкусной начинкой. Сердце Леви задышалось горечью – если бы он смог остановить Тефтона, то они бы сейчас вместе сели за стол и насладились обедом. Но теперь учитель привела их сюда словно узников.

Заметив выражение лица Каори и удрученный вид братьев, Акина поняла, что двое бедокуров снова что-то сотворили. Она только лишь выдохнула и продолжила заниматься своими делами.

Братья и Каори зашли в дом. Как только захлопнулась дверь шум прибоя, чаек и дуновения ветра утихли. На уши упала гробовая тишина.

– Наверх, в свою комнату.

Братья повиновались и тяжелым ходом побрели по лест-

нице.

– Каори... прости...

– Наверх, я сказала!

Ледяной пот выступил у обоих.

Они вошли в комнату и сели на стулья. Каори встала перед ними, сложив руки на груди и свысока смотря на братьев, поджимая губы.

– Я ваш учитель, и вы носите мое имя как свое второе. Вы Тефтон Каори и Леви Каори. – Она посмотрела на каждого по очереди – вспомните об этом в следующий раз, когда ваши пустые головы посетит мысль о краже.

Мальчики пытались смотреть в ее глаза, но отчего-то это не получалось, и они сникли. Голос девушки был твердым и строгим. Братьям казалось, что ее аура словно поглощает весь свет и в без того темной комнате. Каори продолжала:

– Тот человек вложил в эти яблоки свой труд, свое время, он вырастил их, чтобы прокормить себя и своего ученика, своих маленьких детей. Мы столько говорили об уважении к чужому труду, и вы выкидываете такое.

– Каори, мы виноваты... я виноват – Тефтон встал со стула.

– Я плохой учитель, Тефтон, я знаю. Я сделала много ошибок, но это... Я никогда бы не поверила, что вы опуститесь до такого. Вы оба заслуживаете наказания в равной степени, мне не важно кому из вас первому пришла в голову эта идея. Я прекрасно знаю, что к тебе Тефтон, не смотри на меня ще-

нячьими глазами и не пытайся загородить Леви.

Братья приготовились к худшему, но то, что произошло дальше, повергло их в настоящий ужас. Каори вдруг подошла к маленькой тумбе, где в маленьком ящичке хранился небольшой сундучок. Или скорее шкатулка. И Тефтон, и Леви были уверены, что о существовании этой шкатулки кроме них двоих никому более не известно. Поэтому, когда они увидели ее в руках учителя, ледяной страх сменился пылким несогласием.

– Я знаю, что вы много работаете и во многом себе отказываете только чтобы накопить на экзамен в гильдию охотников. Вот на этом примере я и покажу вам, чем плохо воровство. Все эти деньги – она поставила шкатулку на стол перед ребятами – все, до последнего гроша, вы потратите на яблоки. Скупите весь прилавок того садовника, у которого посмели украсть. Ясно?

Братья не верили ушам, покачивая головой от несогласия. Тефтон вскочил с места и умоляюще со слезами кинулся к Каори.

– Нет! Пожалуйста, лучше выпори нас, прошу, умоляю! Каори, не надо!

Тефтон бился в истерике, хоть и понимал, что Каори останется при своем.

Леви же слишком любил своего учителя, чтобы так перечить и умолять его. Он больше всего жаждал наказания, чтобы угомонить, наконец, свою совесть. Мальчик лишь закрыл

лицо руками, чтобы никто не увидел его слез.

– Вы пойдете туда прямо сейчас, извинитесь и купите все яблоки, а потом съедите их.

Спорить было бесполезно. Ближе к вечеру того же дня братья стояли перед тем самым прилавком. Здесь на площади уже натянули огромный экран из плотной бежевой ткани. Люди настраивали несколько уникум-трансляторов, выравнивая изображение. Почти весь Западный Хорайзон собрался тут, чтобы узнать, чем в итоге закончится очередной турнир охотников. Чуть ли не единственное развлечение для всего Острова. Шум толпы стоял невероятный и все в предвкушении, но только не Тефтон с Леви. Они смотрели на проклятый прилавок, за которым стоял насупившийся продавец. Яблок осталось несколько десятков килограмм, всего восемь ящиков. Однако на все восемь денег не хватило, и они взяли шесть. Народ отвлекся от начала турнира, все увидели тех самых двух чудаков. Люди еще не успели забыть, как утром братья Каори шли под надзором учителя, все уже знали, что случилось. И теперь на площади развернулось новое шоу – Тефтон и Леви кланялись в пояс, прося прощения. Каори стояла позади них и тоже кланялась, так же прося прощения. По обычаю было сделано три поклона, после чего ящики с яблоками были погружены на телегу и отправлены в дом Каори. Братья еще долго с ужасом смотрели, как садовник вытаскивает из шкатулки монеты, пробует их на зуб и перекладывает к себе. Вот уж кто действительно был

счастлив от такой прибыли. В конце концов, получив свою пустую шкатулку обратно, ребята побрели домой.

Весь вечер они просидели на кухне, очищая плоды от кожуры, а затем съедая их. Первый ящик опустошился быстро, во втором во рту уже было настолько сладко, что начало сводить зубы. Акина запретила есть им больше двух ящиков в день, и каждое утро они начинали ненавистную процедуру со злостью в глазах. К последним двум ящикам отвращение было настолько сильным, что не просто запах, а даже один только вид яблок вызывал у обоих братьев тошноту.

– Ты хочешь спросить у меня что-то? – медленно проговорила Акина, когда Каори подошла к ней.

Они сидели на белой веранде с видом на берег и бесконечный океан. Акина любила тишину этого места и часто сидела на кресле-качалке, смотря на большое дерево у самого края обрыва и поле подсолнухов, что росло рядом с ним. Акина улыбалась, она видела, как ее ученица с беспокойством смотрит на братьев последние дни. Ей было хорошо знакомо это чувство, которое сейчас испытывала Каори. Чувство, что ты что-то делаешь не так.

– Я не знаю. Не знаю, правильно ли поступаю...

Каори села на второе кресло, что было рядом. Она не смотрела на учителя. Взгляд ее был потерян, устремлен на заходящее солнце, медленно падающее в воду.

– Ты все делаешь правильно. Не думай о том, что ты пло-

хой учитель. Это не так. Вспомни себя маленькую. Все дети не признают правил, пока не обожгутся, такова жизнь. Леви и Тефтон станут хорошими людьми, они слишком много пережили, чтобы этого не случилось. Они станут хорошими охотниками, ведь ты печешься о них уже восемь лет.

Каори тяжело вздохнула. Теперь ее глаза переместились на голубое небо, где не было ни облачка, лишь только парящий сокол. Непроизвольно она провела пальцами по своей татуировке на шее.

– Но я не хочу... как ты не понимаешь. Я так не хочу, чтобы они становились охотниками. Наверное, когда-нибудь они пожалеют, что я взяла их в ученики.

– Уже поздно об этом думать. Ты не сможешь им помешать. Ведь это их выбор, они жаждут этого, жаждут стать охотниками, чтобы помогать остальным. Я знаю, ты боишься этого, но и среди охотников есть много хороших людей. Взять хотя бы тебя саму.

Каори молчала. В голове всплыли сразу два болезненных воспоминания, и она думала сейчас только о них. Первое случилось два года назад. Тогда была осень, за окном уже стемнело, и моросил дождь. Эта мрачная, холодная погода навсегда врезалась ей в память, как и в память братьев.

В тот день они пришли к ней, их глаза горели решимостью, кулаки сжаты. Своими маленькими ручками они держали ее винтовку, протягивая оружие вперед, к учителю.

– Научи нас.

Именно тогда они и заявили ей впервой, что собираются стать охотниками, как и она. Стать охотниками, чтобы узнать, что произошло с их родным городом. Стать охотниками, чтобы избавиться от ночных кошмаров, в которых все пожирает огонь той ночи. И больше никогда эта трагедия не должна повториться, ни один город больше не сгорит, потому что они станут охотниками.

Но Каори ответила – нет.

Она знала, что рано или поздно ее ученики возьмутся за ее ремесло. Иначе просто не могло быть.

Она сказала нет и ушла, выхватив винтовку из детских рук. Тефтон разозлился на нее тогда. Пока братья кричали что-то ей в след из распахнутой двери, она уходила под дождем как можно дальше, скрываясь в темноте. Побег от неизбежности. Каори понимала, что не сможет сделать из них охотников. Не потому что не справиться с ними, и не потому, что не любит их. Вовсе нет. Просто Каори знала, кто такие охотники, но сказать об этом не могла. Она не найдет в себе сил объяснить двум маленьким мальчикам, что Гильдия охотников была создана не для того чтобы помогать людям, а для того чтобы выслеживать и убивать их.

Каори не верила, что собственными руками возвращает палачей, поэтому и убегала.

Если бы только Тефтон и Леви знали, видели бы они то, что видела она. Об этом было ее второе воспоминание. Тогда Каори было лишь пятнадцать, она сама только-только стала

охотником и взяла оружие в руки. Те же горящие глаза, та же решимость помогать остальным.

В тот день она стояла вместе с учителем у грузового состава. В тот день все разрушилось. Все идеалы, все мечты.

В состав грузили людей. Была зима и все они дрожали от холода. Грязные небритые охотники хорошо выделялись своей неопрятностью рядом со статными крепкими солдатами Первой гильдии, которые все как один в черной военной форме. И даже пар на мороз выходит из их ртов одновременно. Кругом тьма ночи, медленно сыпет снег. На лицах всех охотников лишь корысть, они пересчитывали деньги за только что сданную партию уникамов, которых и грузили в поезд.

Слово люди к ним никогда не применялось – только человеческая внешность. Они словно скот, с напуганными, а у кого уже безжизненными глазами садились в вагоны, тщетно вцепляясь за свое имущество.

Каори помнила, как страх сжимал ее грудь, как она спряталась за спину учителя, чтобы не видеть всего этого.

Но скрыться от такого было нельзя. Она помнила глаза того человека в коричневом замшевом пиджаке и его сынишку, что не отрывался от ноги отца. Мужчина был бледен то ли от холода, то ли от страха. Он тряс перед солдатом какой-то бумажкой, по-видимому – удостоверением личности. Не было никакого смысла скрывать, что он уникам, но он пытался объяснить, что его способность безобидна.

А потом ему взбрело в голову продемонстрировать, что голубой светящийся шар в его руках, который он может вызывать, способен излечить неизлечимое. Но стоило только этому шару засветиться в его ладони, как десятки ружей и карабинов были направлены в сторону мужчины. Его несколько раз ударили прикладами по лицу, брызнувшая кровь попала на сына. Этими же прикладами их двоих затолкали в вагон. Сын этого человека почему-то бросил свой взгляд на Каори. Он не отпускал ее до того самого момента, пока двери вагона не захлопнулись с глухим грохотом, в котором все утихло, все утонуло в черноте.

А потом наступила тишина, поезд тронулся.

– Почему они так волнуются? – спросила тогда Каори – ведь это всего лишь концентрационный лагерь. Ведь они там просто продолжают жить с такими же людьми, как они.

Но Акина покачала головой, закрыв глаза.

– В этот лагерь ездят только поезда с людьми. Еду туда не возят. Все вещи скинут в овраг по пути. И эти люди навсегда перестанут существовать, словно их и не было.

В тот день, именно тогда юная Каори узнала смысл слова утилизация. В тот день она увидела, что падающий снег может менять свой цвет – бесконечно летящие черные хлопья с бесконечного черного неба. Состав безмолвно покинул их. Холод той ночи до сих пор бросает в дрожь девушку.

И каково же ей было, когда совсем скоро она узнала, что и сама является уникамом. Это заставило наложить на себя

руки...

Каори бы никогда не смогла рассказать об этом братьям. Она с болью в сердце смотрела, как мальчишки безвылазно сидят за военными учебниками. Видела их руки в ссадинах от очередного спарринга. Она видела их желание сдать экзамен. Но они ничего не знали о том месте, где живут и о том, в кого им предстоит превратиться.

Каори плакала, закрыв рукой глаза. Акина накинула на нее одеяло и обняла.

– Тефтон и Леви станут охотниками, хочешь ты этого или нет. Но только ты сможешь воспитать из них таких людей, которые перевернут этот мир.

– Ты уже столько раз это повторяла. И ты права...

Она улыбнулась, убрав руку с красных глаз.

– Конечно, права. И ты сама давно делаешь из них людей. Иначе не стала бы подкладывать в ту шкатулку своих денег время от времени.

Каори посмеялась.

– Пусть это будет для них приятным сюрпризом. Думаю, они усвоили урок. В конце концов, они столько трудятся ради мечты. Именно это и делает человека человеком.

В этот момент братья убежали из дома. Тефтон нес в руках винтовку Каори, словно реликвию. Леви бежал следом с коробочкой патронов.

– Каори! Мы съели все яблоки, потренируй нас в стрельбе!

Тефтон аккуратно передал Геверстон учителю, девушка погладила его по голове и посмотрела на Акину. Та одобрительно кивнула.

Они направились в поле, и скоро оттуда начали доноситься одинокие выстрелы. Стайки птиц из соседнего леса вздымались вверх.

Глава 3 Сила и слабость

Карета, запряженная шестеркой лошадей, мчалась по грунтовой дороге, оставляя за собой клубы серо-желтой пыли. Красная бархатная шторка на двери приоткрылась, и из окна показалось лицо мальчика.

Он сидел со скучным видом, подперев голову и наблюдая за бесконечной степью, изредка пересекаемой полосками леса. Долгое путешествие сильно измотало его, но зато давняя мечта сбылась – он собственными глазами увидел турнир охотников. Теперь старое желание вспыхнуло с новой силой. Возвращаться с турнира так тяжело, следующий только через два года. И вновь наступят дни бесконечных невыносимых тренировок, в конце концов, экзамен в гильдию охотников сдают лишь единицы. Но у него и у его сестры обязательно получится. Именно такие мысли крутились сейчас в голове.

В карете сидели трое, не считая серебристого лиса. Огромный мужчина занял весь диван спереди. Черные блестящие волосы и густая, но недлинная борода. На носу, чем-то походившем на картофелину, были маленькие круглые очки. Он читал книгу. Напротив этого человека сидели два ребенка – мальчик и девочка. Они смотрели в разные окна с одинаково кислыми выражениями на лицах. В руках девочки цветной журнал с большим и ярким названием «Охотничий еженедельник», на котором изображен тот самый муж-

чина, сидевший перед ними. Его звали Эрих ван Куст – один из лучших охотников.

Глаза мужчины медленно закрывались, он начинал засыпать. В конце концов, отложив книгу, Эрих накинул на себя свой черный кейп.

В ногу мальчику острой мордой тыкался серебристый лис, сидевший рядом в ногах. Зверю тоже надоело постоянное укачивание, он хотел размяться. Мальчик почесал лиса за ушком. Он дожидался лишь одного – когда учитель начнет храпеть.

– Все-таки на турнире было столько крутых охотников, – сказал он, посмотрев на девочку, та лишь уставши вздохнула, не проявив ни капли интереса.

– Угу, – качнула она головой.

– Да что с тобой, Роза? Тебе не понравилось?

– Нет, Алан, все было замечательно, просто я... не важно – девочка открыла журнал и начала листать картинки с охотниками и униками.

Мальчик лишь фыркнул и отвернулся к окну. Его сестра никогда не интересовалась подобным, Роза ехала сдавать экзамен охотников просто потому, что ей так сказали. Куда ей было до великих квинтов, до могучего Асхана, что одним ударом топора мог разрубить человека напополам. Ни одному уникаму не удавалось выжить после встречи с ним. Интересно, кто сильнее Эрих или Асхан?..

За окном вдалеке вдруг показались красные и коричне-

во-золотистые крыши домов. Они проезжали очередной городок на западе Острова.

– Роза, смотри, там город! – он прильнул к окну, расшевелив рукой девочку – достань карту, где мы едем, как он называется?

– Это Западный Хорайзон.

– Уже Хорайзон?! Значит мы у океана. Чудно.

– Не нравится мне это твое «чудно» – тихо проговорила Роза.

Запланированной остановки здесь не было, но у Алана на этот счет были совсем другие планы.

Он повернулся к Розе, та засмузилась от пристального взгляда брата, покраснев и поправив свои недлинные волосы темно-синего цвета, краешки которых были белы как снег. У Алана в голове вертелась одна мысль, он что-то пытался вспомнить.

– Секундочку... Хорайзон? Это случайно не тот город, где поселились те двое? – спросил он

– Те двое? Кто?

– Двое ребят, которые смогли выжить после уничтожения Грохма, – он ударил кулаком об ладонь, лицо его воссияло – точно! Это тот город.

Тут же его рука потянулась к ошейнику лиса. Он отстегнул карабин.

– Что ты делаешь, братик?

– Тсс... – Алан качнул головой в сторону спящего учителя

– ты же не хочешь упустить такой шанс. Идем, развеемся.

– Ты с ума сошел? Он убьет нас, когда проснется и увидит, что мы слиняли.

– Мы успеем. Фоукс поможет.

Алан осторожно открыл дверь кареты. Снаружи неслась земля, они ехали довольно быстро.

Роза схватила его за запястье.

– Даже не думай – сказала она, но брат посмотрел на нее таким уверенным взглядом, что рука ее ослабила хват. Теперь уже Алан схватил ее за ладонь и потянул на себя. Девочка только и успела вскрикнуть.

Вдвоем они вылетели из кареты. Мальчик упал на землю, Роза прямо на него. Из глотки вырвался сухой стон. Они поднялись на ноги, вся белая одежда мальчика, как и его бело-снежные волосы, оказались перепачканы. Роза посмотрела в сторону уходящей кареты. Серебристый лис выпрыгнул следом за ними. Его шерсть заиграла металлическими бликами на солнце. Теперь оба смотрели с замершими сердцами на карету. Она продолжала двигаться как ни в чем не бывало.

– Так я и думал. Эриха ничто не разбудит, хоть из пушки стреляй.

– Дурак! – Роза ударила его по голове кулачком – и что нам теперь делать? Как мы вернемся? Твой Хорайзон далеко, сколько до него идти? И вообще, в следующий раз, когда захочешь развеяться, не впутывай меня в это!

– Ай... да успокойся ты, у нас есть пара часов, а потом я

что-нибудь придумаю. Фоукс! Иди сюда, дружище! Давай.

Алан подозвал к себе лиса. Тот подошел к мальчику и уткнулся мордой в его живот. Роза все еще обреченно смотрела на карету.

– Все... нам конец...

– Хочешь знать, как мы попадем в город? – он задорно посмотрел на девочку – верхом. Давай, Фоукс!

Серебристый лис встал между ними, все его тело как будто задрожало, сухая почва под лапами пошла трещинами. Он медленно увеличился до невероятных размеров, сопоставимых разве что с медведями. Серебро шерсти излучало слабый свет. Алан взобрался на спину лиса и протянул руку Розе.

– Ну, как тебе?

Роза лишь покачала головой и села позади брата.

– Бедный Фоукс, надеюсь, он не умрет от твоих прихотей когда-нибудь, где потом искать нового уникама?

Они направились в город. Его дома становились все ближе и ближе. Когда до окраины осталось всего ничего, они слезли с лиса и тот принял прежние размеры, чтобы не напугать никого из жителей.

В нос тем временем ударил запах моря и рыбы. Они пошли по одной из улочек, куда глаза глядят. Невысокие домишки, все как один с белыми стенами и цветочницами под окнами, в которых все расцветало. Прохожие оборачивались, особенно дети, смотря, как необычный зверь покор-

но идет вслед за хозяевами, размахивая пушистым хвостом.

– Немаленький город, как нам их найти? – сказал Алан, который шел впереди, убрал руки за голову – О! Смотри, лавка, хочешь чего-нибудь?

– Нет, братик, давай лучше вернемся. – Розе явно было не по себе, она постоянно оглядывалась, дергалась от каждого незнакомого звука.

Но Алан не стал слушать. Он зашел в первую попавшуюся лавку и вскоре вернулся с какими-то безделушками в руках. Затем он заглянул в еще одну, и еще. В конце концов, Роза начала тянуть его за руку обратно и Алан согласился уйти, предложив напоследок посидеть у океана.

– У океана? – на лице девочки вдруг мелькнула грусть – хорошо... давай.

Вскоре они вышли на причал. Сегодня штормило, темные волны клубились пенными барашками. На горизонте виднелось несколько крупных лодок с белыми парусами, однако большинство были сейчас пришвартованы или просто выброшены на берег, а рыбаки крутились вокруг них все в делах. Неслабый ветер дул от воды, подхватывая одежду и волосы детей. Они не отрывали взгляд от водяной глади, смотря вдаль.

– Здесь он точно такой же, как и у нас, скажи же? Помнишь, как мама рассказывала о подводном царстве? – тихо произнес Алан.

Роза прижалась к руке брата, продолжая смотреть на пу-

чину с замершим сердцем, для нее все вокруг словно перестало существовать. Она вспомнила маму, и в глазах блеснуло.

Они не заметили, как небольшая группка ребят подошла к ним. Алан обернулся. Несколько детей стояли позади них, с нескрываемым восторгом смотря на Фоукса.

– Вам чего? – рявкнул Алан.

– Мы просто смотрим на твою собаку, а что нельзя?

Мальчик усмехнулся.

– Это не собака, это мой личный уникум-лис.

– Уникум? – дети насторожились, переглянувшись меж собой. Алан подозвал зверя и погладил его.

– Да, уникум. Не бойтесь, он ручной. Если хотите, дам вам на нем покататься.

Самые смелые подошли ближе, остальные с любопытством смотрели издалека.

– Что правда можно?

– Конечно, но услуга за услугу. Мы тут кое-кого ищем. Восемь лет назад город Грохм полностью сгорел, но двоим удалось выжить. Они живут где-то здесь. Вы их знаете?

Ребята снова переглянулись.

– А, братья Каори. Да мы их знаем. Они живут на отшибе вместе со своим учителем. Если пойдете на север вдоль берега, то найдете их дом.

– Вот как... – Алан посмотрел в ту сторону, куда показал один из мальчишек – ну хорошо.

После того, как Фоукс покатал на себе нескольких ребят, они распрощались, и Алан вместе с Розой двинулись по берегу. Они шли довольно долго, Роза постоянно смотрела на воду, Алан же всматривался в длинную полосу обрыва и, наконец, вдалеке он увидел двухэтажный дом. Мальчик ускори́л шаг. Неужели он действительно сможет поговорить с ними? Интересно, сколько им лет? Они, должно быть, их ровесники. Фоукс тем временем плюхнулся в воду и стал гоняться за рыбой на мелководье.

Издали слышались глухие звуки ударов и вскоре Алан увидел, что у подножья обрыва на берегу двое ребят избивают деревянный болван, прыгая вокруг него в одних шортах.

– Слишком медленно, Леви, – сказал Тефтон, поправляя покосившийся болван – помнишь, как это делала Каори? Делай так же.

Тяжело дыша, Леви свалился на песок.

– Не могу, руки болят. Давай отдохнем.

Тефтон присел рядом с братом, кинув ему флягу с водой. Он протер со лба пот.

– Некогда отдыхать, нужно готовиться. Экзамен уже через неделю, а у тебя из десяти выстрелов стабильно три-четыре промаха. Сейчас закончим здесь, и когда Каори вернется, снова пойдем в лес на стрельбище.

Леви вздохнул и поднялся в сидячее положение.

– Мне не сдать, Теф. Это ты у нас самый меткий. А мне всего одиннадцать и если я провалюсь, то все... Я боюсь,

Теф. Может, попробуем через год?

– Нет. Мы уже говорили об этом. Я итак слишком долго ждал, когда тебе исполнится одиннадцать, и ты получишь право на экзамен. Да, шанс всего один, но мы прорвемся. Так что спрячь свои трясущиеся поджилки куда подальше и вперед.

– Дался тебе этот экзамен.

– Да, дался. Если мы станем охотниками, то получим широкие полномочия. Сразу возьмем билеты до Грохма и узнаем, что там произошло. Я же тебя не в Первую гильдию уговариваю вступить.

– Ну спасибо, – обиженно ответил Леви – если я не сдам и стану безгильдийным, то только по твоей вине.

– Говорю же, прорвемся.

Тефтон стукнул кулаком по предплечью Леви. Тот уже с минуту смотрел вперед, в сторону океана на двух идущих к ним людей и странного лиса, переливающегося серебром.

– Брат, смотри – Леви мотнул головой в сторону Алана и Розы.

Девочка нехотя шла за братом. Все ее уговоры поскорее уйти отсюда – иначе Эрих потом устроит им – проходили мимо ушей. В конце концов, она отчаялась и с понурым видом тоже присмотрелась к Тефтону и Леви.

– Как думаешь, чем они занимаются? – спросил Алан – да еще и так неумело...

– Просто дерутся, мальчишки же.

– Давай кое-что проверим. Я буду говорить, а ты просто стой рядом вместе с Фоуксом, хорошо?

Лис фыркнул и сбавил ход, медленно пятясь позади хозяина. Тефтон и Леви встали с песка и подошли чуть ближе.

– Привет, – первым поздоровался Алан, приподняв руку – нам тут сказали, что где-то здесь живут братья Каори.

Тефтон и Леви переглянулись.

– И что с того? – коротко отвесил Тефтон.

– Говорят, что они как-то выжили после уничтожения Грохма.

Тефтон сделал шаг вперед, окинув суровым взглядом Алана сверху вниз.

– Это мы. Я Тефтон, а это мой брат Леви. А вы кто такие?

Алан засиял, обернувшись посмотреть на Розу, та с опущенной головой водила ногой по песку, словно ей было безразлично все происходящее. Фоукс покорно сидел и смотрел на братьев черными глазами.

– Что? Это правда вы? Вот это да! Как вам это удалось, вы же... впрочем, простите мою бестактность. Я не представился. Меня зовут Алан. Полное имя Алан Эрих ван Куст – он улыбнулся, словно выложил на стол свой главный козырь.

Это имя действительно заставило челюсти братьев отвиснуть. Несколько секунд они так и стояли, с ошеломленным видом смотря на неожиданных гостей.

– А-а... – протянул Тефтон, подбирая слова, и тут же пожал руку мальчику. Леви отчего-то начал трястись мелкой

дрожью, он кое-как взял себя в руки и подошел, чтобы поздороваться.

В головах обоих ни как не укладывалось, что человек с таким именем объявился здесь, да еще и подошел к ним, прямо свалился на голову.

– Как ты сказал? Ван Куст? – проямлил Леви – то есть, ты ученик Эриха ван Куста, легендарного квинта охотника из Черной Пятерки?

– Да, так и есть, – ответил Алан и указал в сторону Розы, – а это моя сестра Роза Эрих ван Куст, тоже его ученица. Мы как раз едем в Гауденберг на экзамен.

Леви посмотрел на девочку и мигом отвел взгляд, покраснев, потому что и она посмотрела сейчас своими синими глазами прямо на него.

– То есть Эрих сейчас где-то здесь?

Тефтон встрепенулся и начал оглядывать побережье, но никого, кроме них, тут не было.

– Нет, мы сбежали от него. Хотели своими глазами посмотреть на вас, тех самых выживших. Ну, не расскажите, как вам это удалось? А то у меня в голове не укладывается, как два таких хилака смогли там выжить?

Тефтон не слушал последние слова Алана, он не верил ушам, челюсть отвисла еще больше.

– Чего? То есть как сбежали?

– Взяли и сбежали... – сказал Алан. Роза хотела было вставить слово, но отчего-то молчала – он сам меня научил,

что настоящий охотник никогда не подчиняется правилам и живет только для себя. А правила нужны для слабаков.

Братья напряглись.

– В самом деле? Он так говорил? – Тефтон посмотрел на Леви – Наш учитель говорит совсем другое...

– Ну значит ваш учитель полный профан. А вы, кстати, на кого учитесь? Мне ваша драка кое-что напомнила... – он ехидно улыбнулся – ой... только не говорите, что тоже на охотников.

Тефтону укололи его слова. Леви же, немного помявшись, ответил:

– Да, мы тоже будем сдавать экзамен.

– М-м – не многозначно протянул Алан и тут же повернулся к сестре. Роза смотрела на него с неодобрением, она поняла, к чему ведет брат. Алан подошел к ней, еле сдерживая рвущийся наружу смех, и посмотрел на лиса – слышишь, Фоукс, очередные слабаки возомнили себя охотниками. Все-таки Эрих прав, гильдия уже не та, что прежде. Одно сплошное бесполезное мясо, которое загнетса и сдохнет сразу, как только возьмет винтовку в руки, – он посмотрел на братьев – слушайте, а это точно вы выжили тогда? Вы же не вздумали тратить мое время понапрасну? А?

Тефтон сжал кулак.

– Ну ка повтори, кого ты назвал бесполезным куском мяса и слабаком? – он насупился, хотя все еще понимал, кто перед ним стоит.

Алан посмотрел на него серьезным взглядом, улыбка пропала с его лица.

– Братик, давай уйдем... пожалуйста – взмолилась Роза.

В полной тишине от напряжения, который каждый здесь чувствовал на своей коже мурашками, Алан поднял указательный палец прямо на Тефтона.

– Тебя, – он перевел палец на Леви – тебя и твоего брата недоноска.

Тефтон закипал. Значит, этот человек тоже станет охотником? Почему-то на сердце словно упал камень. Он был так уверен, что они с Леви будут единственными, кто сдаст экзамен в столь юном возрасте. Но теперь выяснилось, что это не так. Да еще и вдобавок ко всему этот светлячок оскорбил его.

Алан продолжал:

– Чего вы на меня так вылупились? Спокойней, мне хватило одного лишь взгляда на вашу драку, чтобы понять, что вы слабаки.

Без лишних слов Тефтон ударил Алана с правой руки по лицу. От удара кисть получила приятную боль. Фоукс зарычал, но Роза крепко взялась за его ошейник. Она растерянно смотрела на брата и не знала, что делать дальше.

– А вот это ты зря, урод – потирая скулу, сказал Алан. Леви и Тефтон уже стояли перед ним с поднятыми кулаками.

– Урод здесь только ты. Мы тебя не трогали. Нам вообще нет никакой разницы, кем ты нас считаешь. Но ты оскорбил

нашего учителя, когда назвал его профаном.

– Да что вы? Фоукс!

Лис тут же увеличился до гигантских размеров, Роза только и успела вскрикнуть, как он уже вырвался из ее рук. Фоукс прыгнул на Тефтона, но мальчик успел увильнуться и зверь моментально переключился на Леви. Он повалил его и прижал лапой к песку. Леви замычал, уткнувшись лицом вниз, он не мог пошевелиться, лис был слишком большой. Казалось, что сила его лап вот-вот переломает Леви все кости. Роза в ужасе подбежала к Фоуксу и стала оттягивать его, но уникум не поддавался.

Алан тем временем метнулся к Тефтону и стал наносить удар за ударом. Тефтон их даже не видел, он выставил перед собой руки, чтобы хоть как-то защищаться. Один удар он все же пропустил – кулак угодил ему в бок, мальчик тут же сделал выпад, чтобы ответить, но его кулак лишь рассек пустоту, Алан был слишком быстрый. Вдобавок ко всему еще и смеется, зараза. Еще один удар, на сей раз в живот. Тефтон согнулся калачиком и сверху по голове ему добавили локтем.

Упав на песок, Тефтон с шумом в ушах стал жадно вдыхать воздух. Боль от удара в живот перекинулась на сердце и сковала грудь, мальчик не мог вымолвить ни единого слова. Алан встал прямо перед ним, загораживая солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.